

Усоский Владимир Николаевич
доктор экономических наук,
профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический
университет
Минск, Беларусь
vladimirusosky@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИЗМ, СОФИСТИКА И ЗАКОНОСООБРАЗНОСТЬ

В статье исследовано влияние теории познания механистического сциентизма Модерна и субъективного волюнтаризма Постмодерна на определение природы человека. Выявлены критические пункты разногласий в этих направлениях мысли, отделенных друг от друга разными теориями познания. Представлены результаты сравнительного анализа системы категорий сциентизма и постмодернизма. Установлены различия сущности категорий «субъективное – объективное», которые лежат в основе логики и методологии познания философии Модерна и Постмодерна. Доказано, что использование футуристического подхода, который укореняется в теории познания постмодернизма, является методологически не корректным, так как ведет к подмене понятий и смешиванию смыслов противоположных экономических отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Модерн; Постмодерн; теория познания; правила логики; методология науки; субъективное; объективное; софистика; комментарии; симулякр; ризома; законосообразное; двухуровневая банковская система; блокчейн; криптовалюты; «экономический человек».

В исследовании выявлены значимые различия между сущностными характеристиками человека, которые по-разному понимаются Модерном и Постмодерном. В статье приводится аргументация того, что использование постмодернистской традицией теории познания футуризма является методологически не корректным, так как ведет, во-первых, к отрицанию императивной необходимости исследования причинно-следственных связей, которые подменяются бессодержательным словом *комментарии*, ставшим столь популярным. Популярность этого слова тем выше в околонуточных кругах, чем ниже требования к императивной строгости научных доказательств и убедительности аргументации, представленных оппоненту. Во-вторых, в процессе анализа предмета исследования постмодернизм допускает подмену понятий, что ведет к смешиванию смыслов диаметрально противоположных экономических отношений (кредитные деньги и криптовалюты, коммерческий банк и майнеры).

Постмодернизм заявил о себе во весь голос с середины XX века. Он радикально изменил мировоззренческие основы бытия и мышления человека, воспитанного в традиции Нового времени с XVII века. Новейшее время, которое исследователи отсчитывают с середины XIX века, породило в Европе «революцию масс», запустившую с последней четверти XVIII века процесс анархического бурления народов, пробудившихся и вышедших на аван-

сцену истории. Точками отсчета стали Война за независимость (1776–1783) в Северной Америке и Великая французская буржуазная революция (1789–1799). С последней четверти XVIII века начался длительный период войн и революций на американском и европейском континентах. Хосе Ортега-и-Гассет стал автором удачного термина, с помощью которого учеными с высокой степенью точности была определена сущность «революции масс». Она заключается в смене элит и фундаментальных устоев монархической государственности в эпоху позднего феодализма. Общественные структуры Европы оказались подвержены клокающему процессу радикальных изменений. Дворянство и духовенство, являвшиеся в течение по меньшей мере тысячелетия двумя сословными устоями, скреплявшими фундамент монархической государственности, в течение XIX века утратили свои прежние статусные позиции. Будучи феодальными сословиями, дворянство и духовенство подверглись процессу значительного духовного и социально-экономического перерождения, что привело к безвозвратной потере ими власти. Поэтому они не смогли удерживать свои некогда прочные ментальные, социально-экономические и политические позиции в феодальном обществе, которое претерпело гигантскую системную и структурную трансформацию под воздействием процессов модернизации. Промышленная революция поставила крест на истории традиционной монархической иерархии, освященной авторитетом христианской церкви. Течение исторического времени продемонстрировало то, что цемент феодальной иерархии оказался не прочным. Это неизбежно привело к формообразованию модернистских элит Новейшего времени. Они были выдвинуты народными массами в процессе исторического пробуждения к социально-экономическому и политическому творчеству.

В мировоззренческой сфере происходили судьбоносные изменения. Сначала Ф. Ницше потряс обывателей своим тезисом о «смерти Бога», что стало объективным следствием экспансии нигилизма и атеизма в ментальной атмосфере XIX века. Эти радикальные идеи пронизывали умонастроение европейского обывателя, которого Ф. Ницше обозначил как «усредненного среднестатистического человека», проросшего на почве Новейшего времени Европы. Нигилизм и атеизм стали устойчивыми идейными настроениями эпохи «революции масс», которая исторически неотвратимо наступила.

Убийственность для души человека тезиса о «смерти Бога» стала следствием внутриутробного генетического развития новоевропейской философии и проявилась в обосновании нигилизма и атеизма западными радикальными мыслителями. Два с половиной века этот тезис подспудно прорабатывался в трудах философии деизма, исповедовавшей механистическую традицию мышления. Отход от христианского мировоззрения, интенсивно происходивший в XVII–XIX веках, ментально был обоснован светскими школами новоевропейской философии.

Век спустя после рокового выстрела Ф. Ницше («смерть Бога») философы постмодернизма (Р. Барт, Ж. Батай, Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Лакан, Ж. Лиотар, М. Понти, М. П. Фуко) стали обосновывать тезис о «смерти человека» [1, с. 114–124]. Вот и наступил час человека, который вырос в атмосфере радикальных нигилистических умонастроений. Не все ведь ему одному говорить о «смерти Бога». Свой радикальный тезис постмодернисты выразили в формулировке утраты человеком творческих функций в обществе (экономике).

Философия и политическая экономия Нового времени в XVII–XIX веках переосмысливали фундаментальные основы о пассивном статусе человека в обществе (экономике) в эпоху античности и Средние века. Пассивный статус человека являлся фундаментальной аксиомой античной и средневековой традиции мышления. Постмодернизм знаменует собой своеобразную идеологическую реставрацию идей далекого прошлого, в частности, философии софистов.

Философы и экономисты эпохи Модерна (XVII–XX вв.) видели в человеке глубоко укорененное активное творческое начало, действующее на рациональных принципах. Они доказывали, что человек преобразует внешнюю среду и самого себя посредством постижения тайн рационального устройства Вселенной. Главным подспорьем для человека эпохи Модерна выступает объективная наука, с помощью которой он постигает объективные истины, изучая причинно-следственные связи в природе, обществе и экономике. Человек эпохи Модерна в своей жизни использует объективное научное знание для достижения значимых практических результатов, преобразуя ее на рациональных принципах.

Философия постмодернизма принципиально отрицает активную роль человека в обществе (экономике). Она исключает существование причинно-следственных связей между людьми, а соответственно закономерностей развития общества и экономики. Распространение постмодернистских представлений в современном обществе дало отмашку длящегося во времени процессу деформации многовековой научной традиции новоевропейской науки (XVII–XX вв.). Постмодернисты поставили под сомнение систему объективного экономического знания и фундаментальные принципы его построения. Это неизбежно запустило процесс девальвации системы объективных категорий экономической науки. В частности, в околонуточных кругах стало активно использоваться сомнительное слово *комментарии*, содержание которого исключает императивное требование к произносящему это слово, так как последний не в состоянии приводить строгие научные доказательства своему оппоненту в дискуссии. Комментатор имплицитно предполагает, что

может использовать в научной дискуссии облегченный вариант бездоказательных высказываний и поверхностных замечаний. При этом он начинает настойчиво претендовать на право не предоставлять на суд научной общности систему аргументов, построенных на разработанных наукой объективных инструментах познания истины, и требует для себя особых прав на произвольное комментирование. Обесмысливание причинно-следственных связей и отношений посредством использования **неимперативного (произвольного) инструментария** комментариев, на «продвинутом» постмодернистском Западе происходит уже около семи десятков лет. Мы, как это принято, отстаем от «передового» постмодернистского Запада.

На наших глазах в постсоветской науке после 1991 г. в течение 30 лет стала совершаться бессмысленная подмена понятий, которая ставит под сомнение объективные научные доказательства, базирующиеся на выявлении учеными сущностных причинно-следственных связей между людьми в обществе и экономике. Деформация смысла привела к трагической подмене законосообразных причинно-следственных связей в обществе (экономике) сомнительным словом *комментарии*, которое означает использование поверхностных суждений и безответственных замечаний.

Объективная наука противостоит постмодернизму. Доказательства, построенные на вычленении объективных причинно-следственных связей и отношений, не должны подменяться произвольным и поверхностным околонаучным словом *комментарии*, которое не несет в себе научного содержания. Оно представляет собой субъективистское ответвление того, что постмодернисты заложили в термины *симулякр* и *ризом*. Раскрытие содержания этих понятий чрезвычайно важно для понимания деформаций, происходящих в логике и методологии научных исследований. Слова *комментарии*, *ризом* и *симулякр* исключают систему доказательных научных утверждений, на создание которых «произвольные комментаторы» не способны. Причина состоит в том, что этот набор слов пришел в науку из субъективистской философии. Все неизбежные последствия, которые идут за их постоянным употреблением, ведут к подмене фундаментальных основ теории познания, логики и методологии объективной науки.

В соответствии со своими имманентными установками теории познания постмодернисты выдвинули концепцию *симулякра* (семиотический знак, термин ввел Ж. Батай). Идея симулякра позволяет виртуализировать бытие, интерпретируя его как иллюзорность, которая не имеет объективных основ иерархического существования в обществе (экономике). На общественной иерархии центрируется система объективных межсубъектных отношений, строящихся на принципе законосообразности, которая положена в основание

теории познания европейской наукой эпохи Модерна (XVII–XX вв.). Стремясь заместить систему объективного знания, постмодернисты выдвинули концепцию случайного набора симулякров, объединяемых принципом «ризомы» (от франц. слова *rhizome* ‘корневище’).

Термин *ризома* был введен в философию постмодернистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Его авторы ставили перед собой цель обосновать «номадологический» подход (от *номад* ‘кочевник’), построенный на принципиально иной методологии нежели философия Модерна, базирующаяся на линейном видении мира, жесткой иерархической структуре общества, государства и культуры, которая ментально сформирована на принципах системы бинарных оппозиций. Философы постмодернизма поставили под сомнение систему механистического детерминизма Модерна, в основе которого лежала метафора генерала [2].

Фундаментальную роль в «номадологии» играет принцип «ризомы». Философы постмодернизма отмечали появление в западных обществах своеобразной «племенной психологии», представленной маргинальными группами битников, хиппи, панков, создававших свои внутренние ритуалы и символику. Они формировали своеобразные субкультуры, которые противопоставляли традициям общества Модерна. Ж. Делез считал, что маргинальные субкультуры, построенные по анархическому принципу, близки по своему духу «племенам» кочевников (по Н. Гумилеву, кочевым народам «Великой степи»), которые во время своего переселения неоднократно бросали вызов народам оседлых цивилизаций. Современная цивилизация, по мнению Ж. Делеза, построена на традиции Модерна, что способствовало созданию тоталитарного государства и культуры, которые организованы на репрессивных основаниях.

Ризома – это «розетка», «сеть». Эти понятия являются метафорами, которые используются постмодернизмом с целью определения сущности сетевых структур, объединяющих множество нелинейных связей. Ризома является антиподом иерархии. Понятие используется для отрицания линейных структур бытия и мышления Универсума Модерна [3]. Слово *ризома* взято из ботаники. Ботаники идентифицируют горизонтальный ползучий корнеподобный подземный стебель, из которого образуются новые побеги и корни [4]. Примерами могут служить сложные по своей запутанности корневые системы растений (имбирь, различные грибницы), не имеющих единого «ствола». По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, у ризомы человек не найдет ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа, ни единого кода, ни генетической оси.

Содержание этого термина диаметрально противоположно понятию «корень дерева», лежащего в основании интеллектуальной интуиции ан-

тичной философии и средневекового богословия, а также светской философии Нового времени. Корень дерева – это стержень древовидной структуры. Он уходит глубоко в землю, создавая центрирующую часть древесной структуры, которую крепит и удерживает под своим корневым воздействием. Понятие, построенное на интеллектуальной интуиции корня дерева, сформировало базис классического мышления западноевропейской объективистской традиции. В то время как ризома – это структура, начисто лишенная генетических основ своего существования, так как в ней полностью отсутствует корень смыслового центра. Так же, как кочевники, ризома распространяет сферу своего воздействия на внешнюю среду, разрастаясь вширь, расплзаясь в пространстве, неуклонно осуществляя экспансию на новые территории. Корень – это символ оседлой культуры хлебопашцев. Ризома – это своеобразное «перекасти поле», символ кочевых племен, занимающихся скотоводством, привыкших мобильно перемещаться по «Великой степи», громя древние оседлые цивилизации. Постмодернисты противопоставляют кочевников государству и репрессивной культуре, которую оно создало. Для постмодернистов – это структуры-антиподы, исключаящие друг друга, так как в отличие от государства, которое разделяет пространство, кочевники, наоборот, разделяются в открытом и неограниченном пространстве [3].

Номадизм построен на идее сборки человека и лошади в «желающую машину», которая в дальнейшем вместе с другими единичностями собирается в орду – «желающую мегамашину» [5].

Европейская наука Модерна строится на едином смысловом центре (субстанция, сущность, закон, закономерность, Логос), который скрепляет целостность бытия. Ризома – это базовая категория постмодернизма, означающая возможность самопроизвольно и спонтанно плодить саморазмножающийся пучок произвольных значений, лишенных единого смыслового центра. Постмодернист Ф. Гваттари пророчествовал: «Мир потерял свой стержень (Логос)». С точки зрения глубинных интенций своей философии Постмодерн отрицает объективную необходимость построения иерархии общества. Это неизбежно отражается на своеобразии его теории познания. Для Постмодерна модернистская конструкция механистического общества, базирующаяся на линейном представлении о сущности времени и порядке его протекания, не допустима. Философия Постмодерна исключает императивную необходимость применения: 1) категории иерархии общества (экономики); 2) логической последовательности рассуждений, которые строят люди в соответствии с порядком и правилами аристотелевской формальной логики. Глубинные интенции Модерна олицетворяет утопия механистического техногенного Прогресса, которую критикует философия Постмодерна.

Концепция «экономического человека» (*homo economicus*), т.е. рационального (*ratio* лат. 'разум') существа, строящего свое поведение, исходя из

утилитарной цели получения максимальной выгоды, была сформулирована классической традицией политической экономии в XVII–XVIII веках. Модернизируемая экономика Англии задала бурный темп развития промышленной революции. Индустриализация взломала устои традиционного аграрного общества Европы и Северной Америки, «вытянув» его за волосы в индустриальную эпоху XIX века. Промышленный переворот способствовал фундаментальным сдвигам в природе «экономического человека», превратив его в «индустриального человека», «выварив» его в фабричном котле. Промышленный переворот привел к радикальной смене парадигмы мышления «индустриального человека». Классическое англо-саксонское направление в политической экономии использовало Робинзонаду как прием методологических идеализаций. Политическая экономия изучала поведение обособленного человека в экономике, рационально строящего свою деятельность и стремящегося получить утилитарную выгоду.

Механистическое представление философии Модерна о природе человека вынуждало ограничивать поведение «экономического человека», с одной стороны, интересами государства, с другой – институтами человеческого общества (неформальными традициями, нормами, правилами, формальными законами правовой системы). Проблема заключалась в том, что природа «экономического человека» была беременна тенденцией к эгоцентризму. Либерализм пытался сбалансировать буйную природу «экономического человека», однако это ему удавалось сделать не вполне успешно.

Постмодерн развивает модернистскую идею «экономического человека», доводя ее до абсурда. Антропологической основой протестантского капитализма являлся трудоголик протестантской эпохи, аскет в потреблении, который в целях максимально возможного сбережения средств стремился к возможно большему накоплению для инвестирования. После Второй мировой войны воочию стал проявлять свой лик «Нарцисс – человек потребляющий» [6, с. 174]. «Нарцисс» как доминирующий психотип эпохи Постмодерна лишен любви и привязанности к окружающему миру, объектом его устремлений являются исключительно капризы собственной индивидуальности. А это приводит к гипертрофии абстрактных рыночных принципов в современной глобальной экономике, к подавлению ранее исключительно значимого типа хозяина-труженика во имя удобства и выгоды «человека экономического». Безразличие постмодерна к любому ценностному контексту образует идейную среду для доминирования «экономического человека». Критерии рыночной целерациональности и утилитаризма становятся массовыми стереотипами поведения людей» [6, с. 174].

Тенденции развития общества потребительского нарциссизма привели к формированию системы гламурного капитализма (глэм-капитализма, *glam*). Последний трансформирует гламур как эстетическое состояние стиля

человека, тщательно следящего за своей внешностью и одеждой, из специфического стиля жизни в универсальную логику создания потребительских ценностей и тип соревновательных отношений между людьми [7]. Тенденция к виртуализации жизни человека проявляется в процессе симуляции (манипулировании образами) с помощью цифровых технологий. Например, в экономике наряду с производственными мощностями фирм используется бренд, который является термином, выражающим своеобразный виртуальный актив фирмы.

Эрих Фромм в книге «Социалистический гуманизм» (1965) употребил термин *Homo consumens* («человек потребляющий», от лат. *consume* ‘потреблять, тратить, уничтожать, вести к исчезновению’). Он писал: «*Homo consumens* – это человек, главной целью которого является не владение вещами, а потребление все большего и большего и, таким образом, компенсация его внутренней пустоты, пассивности, одиночества и тревоги» [8, с. 214].

«Человек потребляющий» (Я или *Homo consumens*) нацелен на максимизацию размера своего личного потребления. Эту интенцию своего поведения он стремится закрепить за собой как естественное право человека. Я представляет собой сгусток телесной энергии, которая эмоционально окрашена комплексом психологических свойств человека. Я позиционирует себя в качестве автономной личности, глухо замкнутой внутри своей уникальной единичности, которая им пестуется. Я пребывает в своем единственном существовании в пределах субъективно ощущаемого и эмоционально окрашенного пространства и времени. Подобные ментальные и психологические установки человека в ясной форме выразил Макс Штирнер (1806–1856), ставший одним из творцов философии индивидуалистического анархизма (эгоцентризма и нигилизма) [9]. Первоначальный вариант названия книги у М. Штирнера был «Я». Первая часть книги начинается введением, которое озаглавлено: «Ничто – вот на чем я построил свое дело» [9].

Я живет в своем существовании, которое окрашено субъективным ощущением течения времени, что представлено совокупностью множества сиюминутных состояний человека. Множество эгоцентричных Я стремятся зарезервировать за собой универсальное право на выражение уникальности субъективной человеческой единичности. Если же общество в целом санкционирует эгоцентрикам реализацию их желаний в универсальное право, то тогда оно направляет свой путь к замкнутости в потоке текущего времени, субъективно переживаемого эксцентрически настроенными личностями. Подобная массовая модель поведения эксцентричных личностей ведет к тому, что жизнь общества неуклонно теряет историческую динамику развития, соразмерного Вечности Бытия. Если все люди вдруг подумают, что пришло время жить исключительно для своего сиюминутного удовольствия, то это означает, что они придут к выводу о том, что им следует прекратить жить

после утраты сиюминутного удовольствия и наступления ощущения неудовольствия. Если же, не дай Бог, наступят страдания для множества эксцентриков, то это будет означать начало конца истории для общества в целом. Тогда жизнь человека превращается в нечто похожее на то, что представляет собой «бег белки в колесе». Куда бежит белка? В никуда. По глухо замкнутому кругу дурной бесконечности. Христиане укоряли язычников: «По кругу бродят нечестивцы».

Цель постмодернизма заключается в деконструкции сложившихся конструкций общества, выстроенного из принципа иерархии. Постмодернисты считают, что процесс деструкции не должен заканчиваться ничем конструктивным. Мишель Фуко утверждал, что деконструкция имеет не только философское, но и политическое значение, например, деконструкция идеи человека. Дело в том, что постмодернисты занимаются не только отвлеченным философствованием, но также ведут мировоззренческую борьбу за свои политические интересы. Идеи постмодернистов близки по смыслу философии софистов. Например, Фрасимах (459–399 гг. до н.э.), персонаж диалога Платона «Государство», отстаивал тезис об относительности истины и справедливости.

Софистика построена на принципе подмены понятий (софист за деньги обучает ученика тому, чтобы тот мог быть убедительным в споре), а также на гиперболизации языковых средств выражения мыслей. А. Ф. Лосев пишет: «... софисты придавали особенное значение человеческому слову. Можно сказать, что они создали какой-то небывалый в Греции культ слова и тем самым небывалое превознесение риторики, использующей слово для разных жизненных целей. ... Горгий замечательно пишет в своей “Похвале Елене” (В 11): “Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить”» [10, с. 29].

Имя софиста Фрасимаха означает «агрессивный воин». В спорах он агрессивно защищал несправедливость. Приведем два его высказывания: «Ты утверждаешь, что пригодное сильнейшему – это и есть справедливое (338 с.)» [11, с. 106]. «Так вот, я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего (339b.)» [11, с. 107].

Софистика стала кладовой идеей для постмодернизма, где подмена понятий является одним из методологических устоев понятийного аппарата обеих традиций – древней и новой. Субъективизм широко употребляемого слова-паразита *комментарии* почерпнут постмодернистами из арсенала софи-

стики. А. Ф. Лосев отмечает: «Субъективизм софистов, говоря вообще, не может быть оспариваем: что кажется одному, то и существует (Протагор А 13). За это постоянное стремление софистов превращать явно слабейший аргумент в сильнейший жестоко порицает Протагора Аристотель (Протагор А 21). Горгий вообще брался любую вещь восхвалять и ниспровергать независимо от объективных свойств (Горгий А 25); и на этом основании он считал, что “искусство убеждать [людей] много выше всех искусств, так как оно делает всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению, так что “оратор может говорить ‘обо всех вещах самым лучшим образом’ (А 26)”» [10, с. 19].

В экономической науке, в теории познания, логике и методологии науки слова *комментарии* не было. Со времен публикаций классиками экономической науки У. Петти, А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом, Е. Бем-Баверком своих систематических трудов заложена прочная традиция совершенно иного рода, основанная на принципах объективности, детерминизма. Классики экономической науки научили нас представлять на транспарентный суд научного сообщества продуманные научные аргументы и объективные доказательства. Научная традиция, выработанная европейской наукой Нового времени (XVII–XX вв.), базируется на логике и методологии научного поиска истины. Это означает, что от ученого требуется строить свои научные исследования, используя систему доказательных утверждений, носящих объективный характер. Ученый-экономист осуществляет теоретический поиск, изучая эмпирическую действительность. Он стремится вычлени из нее причинно-следственные связи между явлениями и процессами в экономике, которые отличаются такими научными признаками, как объективность, необходимость, существенность, устойчивость и регулярность повторения.

В основании европейской науки лежит принцип научной законосообразности, в соответствии с которым ученые исходят из общепризнанной фундаментальной установки. Такие термины, как закон и закономерность, адекватно выражают объективные причинно-следственные связи, которые ученый вычленил в процессе научного анализа эмпирической действительности. Европейская наука Нового времени с XVII века не употребляет слово *комментарии*, которые было бы позволительно давать в произвольной форме, так как это сомнительное словосочетание является антиподом ее базовым принципам теории познания, логики и методологии.

Требования научной методологии экономической науки, построенной в рамках объективной традиции мышления, исключают употребление сомнительного слова *комментарии*. Субъективисты это слово настойчиво применяют, и оно по своей популярности конкурирует со словом *игрок*. Последнему дается очень широкое толкование, которое выходит за объективное содержание понятия, которое используется наукой. Игрок – это человек, который совершает действия, несущие в себе не дозируемые им риски, которые он не

в состоянии проконтролировать. Использование слова *комментарии* требует ответа на закономерный вопрос: «Каково научное содержание слова *комментарии*?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенко, В. П. На обрыве времен. Есть ли будущее у христианской цивилизации? / В. П. Семенко. – М. : Домострой, 2010. – 336 с.
2. Грицанов, А. А. Постмодернизм : энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис, 2001. – 1040 с.
3. Делез, Ж. Трактат о номадологии / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Национальный курс. – 2005. – № 2 (92). – С. 183–187.
4. Подземное видоизменение побегов, их строение, разнообразие, биологическое значение, отличительные особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nauka.club/biologiya/vidoizmeneniya-pobegov.html>. – Дата доступа: 23.10.2018.
5. Борисов, С. Н. Сетевая парадигма в номадологии Ж. Делеза / С. Н. Борисов, М. А. Игнатов, В. П. Римский / Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 3 (66). – С. 14–16.
6. Румянцев, М. А. Религиозные основания хозяйствования / М. А. Румянцев. – СПб. : Изд-во НПК «Рост», 2005. – 308 с.
7. Иванов, Д. В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. / Д. В. Иванов. – СПб. ; 2008.
8. Фромм, Э. Применение гуманистического психоанализа к теории Маркса / Э. Фромм // Социалистический гуманизм : междунар. симпозиум. – Garden City, NY : Doubleday, 1965. – С. 214.
9. Штирнер, М. Единственный и его собственность / М. Штирнер. – Харьков : Основа, 1994. – 560 с.
10. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1969. – Т. 2. – 715 с.
11. Платон. Сочинения : в 3 т. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева и Ф. М. Асмуса. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – 688 с.

Поступила в редакцию 12.04.2023